

Silvana Ocampo – Viaje olvidado

Quería acordarse del día en que había nacido y fruncía tanto las cejas que a cada instante las personas grandes la interrumpían para que desarrugara la frente. Por eso no podía nunca llegar hasta el recuerdo de su nacimiento.

Los chicos antes de nacer estaban almacenados en una gran tienda en París, las madres los encargaban, y a veces iban ellas mismas a comprarlos. Hubiera deseado ver desenvolverse el paquete, y abrir la caja donde venían en vueltos los bebés, pero nunca la habían llamado a tiempo en las casas de los recién nacidos. Llegaban todos achicharrados del viaje, no podían respirar bien dentro de la caja, y por eso estaban tan colorados y lloraban incesantemente, enrulado los dedos de los pies.

Pero ella había nacido una mañana en Palermo haciendo nidos para los pájaros. No recordaba haber salido de su casa aquel día, tenía la sensación de haber hecho un viaje sin automóvil ni coche, un viaje lleno de sombras misteriosas y de haberse despertado en un camino de árboles con olor a casuarinas donde se encontró de repente haciendo nidos para los pájaros. Los ojos de Micaela, su niñera, la seguían como dos guardianes. La construcción de los nidos no era fácil; eran de varios cuartos: tenía que haber dormitorio y cocina.

Al día siguiente, cuando volvió a Palermo, buscaba los nidos en el camino de casuarinas. No quedaba ninguno. Estaba a punto de llorar cuando la niñera le dijo: "Los pajaritos se han llevado los nidos sobre los árboles, por eso están tan contentos esta mañana". Pero su hermana, que tenía cruelmente tres años más que ella, se rió, le señaló con su

Сильвана Окампо — Забытое путешествие

Она хотела вспомнить тот день, когда родилась, и так сильно хмурилась, что поминутно взрослые прерывали её, чтобы она разгладила лоб. Из-за этого ей так и не удалось добраться до воспоминаний своего рождения.

Мальшей, перед тем как рождались, хранили на складе большого магазина в Париже. Матери их заказывали, а иногда и сами ездили покупать. Она испытывала желание увидеть, как распаковывают посылку, как открывают коробку, в которой присылали завёрнутых младенцев, но её никогда вовремя не звали в дома новорождённых. Все они прибывали перегретыми с дороги, в коробке им было сложно дышать, поэтому они были такими горячими и беспрестанно плакали, поджимая пальцы ног.

Но она родилась одним утром в Палермо¹, плетя гнёзда для птиц. Она не помнила, чтобы в тот день она выходила из своего дома, ей казалось, что она проделала путешествие без автомобиля или повозки, путешествие, полное загадочных теней, и пробудилась посреди аллеи, пахнувшей казуаринами², где внезапно обнаружила себя плетущей гнёздышки для птиц. Глаза Микаэлы, её няни, следили за ней как сторожи. Сооружение гнёзд было непростым; они состояли из нескольких комнат: в них непременно должны были быть спальня и кухня.

На следующий день, вернувшись в Палермо, она искала гнёзда на аллее казуарин. Не осталось ни одного. Она была готова вот-вот расплакаться, когда няня сказала: «Птички забрали гнёзда с собой на деревья, поэтому они так радостны этим утром». Но её сестра,

guante de hilo el jardinero de Palermo que tenía un ojo tuerto y que barría la calle con una escoba de ramas grises. Junto con las hojas muertas barría el último nido. Y ella, en ese momento sintió ganas de lanzar, como si oyera el ruido de las hamacas del jardín de su casa.

Y después, el tiempo había pasado desde aquel día alejándola desesperadamente de su nacimiento. Cada recuerdo era otra chiquita distinta, pero que llevaba su mismo rostro. Cada año que cumplía estiraba la ronda de chicas que no se alcanzaban las manos alrededor de ella.

Hasta que un día jugando en el cuarto de estudio, la hija del chauffeur francés le dijo con palabras atroces, llenas de sangre: "Los chicos que nacen no vienen de París" y mirando a todos lados para ver si las puertas escuchaban dijo despacito, más fuerte que si hubiera sido fuerte: "Los chicos están dentro de las barrigas de las madres y cuando nacen salen del ombligo", y no sé qué otras palabras oscuras como pecados habían brotado de la boca de Germaine, que ni siquiera palideció al decirlas.

Entonces empezaron a nacer chicos por todas partes. Nunca habían nacido tantos chicos en la familia. Las mujeres llevaban enormes globos en las barrigas y cada vez que las personas grandes hablaban de algún bebido recién nacido, un fuego intenso se le derramaba por toda la cara, y le hacía agachar la cabeza buscando algo en el suelo, un anillo, un pañuelo que no se había caído. Y todos los ojos se tornaban hacia ella como faroles iluminando su vergüenza.

Una mañana, recién salida del baño, mirando la flor del desagüe mientras la niñera la secaba envolviéndola en la toalla, le confió a

que, o, como esto жестоко, была старше неё на три года, засмеялась и указала ей своей волокнистой руковицей на палермского садовника. Слепой на один глаз, он подметал дорожку веником из серых веток. Вместе с мёртвыми листьями он сметал последнее гнездо. В этот момент она почувствовала, что её стошнит, как когда до неё доносился шум от кресел-качалок в саду её дома.

С того дня прошло много времени, безнадежно отдаляя её от её рождения. Каждое воспоминание было ещё одной, отличающейся мелочью, но неизменно несущей её лицо. С каждым годом круг девочек, не способных дотянуться до неё, всё увеличивался. До тех пор, пока в один прекрасный день, играя в кабинете, дочь французского шофёра ужасными, сочащимися кровью словами не сказала ей: «Когда дети рождаются, они не приезжают из Парижа», и, оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что двери не подслушивают, произнесла вполголоса, но твёрже, чем если бы голос её звучал во всю силу: «Дети находятся в утробе матери, и когда рождаются, они появляются через пупок», и кто знает, что за тёмные словно грехопадение слова ещё брызгали изо рта Жермен, даже не побледневшей, произнося их.

В ту пору везде начали рождаться дети. Столько детей никогда в семье не рождалось. Женщины носили в утробах огромные шары, и каждый раз, когда взрослые заговаривали о каком-нибудь новорождённом, её лицо обдавало жарким пламенем, и она невольно опускала голову, высматривая что-то на земле - колечко, неупавший платок. И все взгляды обращались на неё, освещая её позор как уличные фонари.

Micaela su horrible secreto, riéndose. La niñera se enojó mucho y volvió a asegurarle que los bebés venían de París. Sintió un pequeño alivio.

Pero cuando la noche llegaba, una angustia mezclada con los ruidos de la calle subía por todo su cuerpo. No podía dormirse de noche aunque su madre la besara muchas veces antes de irse al teatro. Los besos se habían desvirtuado.

Y fue después de muchos días y de muchas horas largas y negras en el reloj enorme de la cocina, en los corredores desiertos de la casa, detrás de las puertas llenas de personas grandes secreteándose, cuando su madre la sentó sobre sus faldas en su cuarto de vestir y le dijo que los chicos no venían de París. Le habló de flores, le habló de pájaros; y todo eso se mezclaba a los secretos horribles de Germaine. Pero ella sostuvo desesperadamente que los chicos venían de París.

Un momento después, cuando su madre dijo que iba a abrir la ventana y la abrió, el rostro de su madre había cambiado totalmente debajo del sombrero con plumas: era una señora que estaba de visita en su casa. La ventana quedaba más cerrada que antes, y cuando dijo su madre que el sol estaba lindísimo, vio el cielo negro de la noche donde no cantaba un solo pájaro.

Одним утром, только приняв ванну и рассматривая цветок на раковине в то время как няня вытирала её, заворачивая в полотенце, она, смеясь, доверила Микаэле свой чудовищный секрет. Няня сильно рассердилась и вновь заверила её, что младенцев привозят из Парижа. Она испытала слабое облегчение.

Но когда наступил вечер, грусть, смешанная с уличным шумом, стала взбираться по её телу. Ночью она не могла спать, несмотря на то, что мать долго целовала её перед уходом в театр. Поцелуи потеряли свою силу.

Несколько дней спустя, после многих длинных и тёмных десятков минут, отмеренных кухонными часами, пустынными корридорами дома, дверьми, за которыми шушукались взрослые, её мать посадила её в уборной на свои юбки и сказала, что дети появляются не из Парижа. Она рассказывала ей о цветах, рассказывала о птицах, и всё это смешалось со страшными секретами Жермен. Но она всё отчаянно настаивала на том, что детей доставляли из Парижа.

Чуть позже, когда её мать открыла окно, лицо её матери полностью изменилось под украшенной перьями шляпой: это была женщина, пришедшая в гости в её дом. Окно было более закрытым, чем когда либо, и когда её мать заметила, что солнце сегодня прекрасно как никогда, она увидела чёрное ночное небо, в котором не пела ни одна птица.

1Палермо — район столицы Буэнос Айрес

2Казуарины — вечнозелёный кустарник, родом из Юго-Восточной Азии, с острова западной Океании и Австралийской области